

ИЗВЕСТИЯ

Г. Москва

12 ФЕВ 1987

ля 1987 года ● 3

Книги:
новинка недели

Любуясь Садовскими

«Хочу любоваться Провом Михайловичем и, хоть давно уже нигде не появляюсь, сегодня умножу единицу число восхищающихся искусством любимого художника», — эту ермоловскую записку приводит Е. Полякова в своей книге «Садовские», дополнившей известную серию «Жизнь в искусстве» (издательство «Искусство»).

С Садовским приходит нечто такое, что заставляет рецензентов годами и десятилетиями восторженно отзываться даже о его полвлении в самых посредственных пьесах: «отнял своею игрой много ходульности у этой роли», «вышел... и ничтожная сцена приобрела смысл, значение и с поразительной яркостью запала в душу», «за исполнение роли недвоя от души не благодарить Садовского, но за самую роль не поблагодаришь автора».

Когда же наконец появился его, Садовского, драматург, Пров Михайлович стал в свою очередь его верным соратником, могучим тараном, пробивавшим дорогу первым созданиям Островского сквозь все запреты и проволоочки, читая его десятки, сотни раз по частным домам. Так, по определению давнего биографа артиста — Н. Е. Эфроса, «начинается героическая пора обоих — Островского и Садовского, — в которой их жизнеописание сливается и два их имени — точно одно. И я не знаю, — продолжает автор, — кто на кого больше влиял».

А вскоре, как пишет Полякова, «московские театралы, от абонирующих ложи до собирающих пятаки для билета на галерею, радостно ждали премьеры новой пьесы Островского...»

«Шире дорогу — Любим Торцов идет!» — патетически восклицал Садовский, забываемо прекрасный в своей, с позволения сказать, одежке, которую в реальной жизни презрительно именовали «страм-пальто». И чуткий зритель восхищался тем, что это — «правда по сцене идет», та правда, которая про-

бязалась уже в прежних ролях актера.

Шли годы, десятилетия, подымалось новое актерское поколение, но легендарный Пров, хотя и во многом принадлежал к уходящему времени, все еще царил на сцене, порой создавая истинные шедевры. «Как хорошо и как жутко было играть с ним, — вспоминает еще только начинавшая в ту пору Федотова. — Другого такого великого артиста я больше не видела».

Достоин поддерживали «престиж» этой актерской династии Михаил Провыч и его жена Ольга Осиповна. «Как определить игру Садовских, — размышляла одна из их учениц, — эту манеру, эту школу Малого театра? Все было необычайно просто, искренне, но не «как в жизни», а гораздо ярче, выпуклее, словно показанное через увеличительное стекло и освещенное ослепительным солнцем...»

Принц Тосканский — весело подписывал Михаил Провыч ине из своих юморесок и рассказов. С чего бы это? Оказывается, от слова «таскаться» — бродить по москвским улицам, бульварам, переулкам, сидеть в ресторане «Эрмитажа» или с удочкой на плоту «под Нескучным садом», над Сетунью вместе с историком Забелиным или возле щельковской мельницы с «самим» Островским. Ах, как славно «кклюет» в подсобном «безделье», как преточно «подсекаются» тут всевозможные истории, словечки, жесты, манеры, чтобы ожить потом в бесчисленных ролях!

«Ну, а Садовского Мишу вы в какое амплуа уложить хотите? — спрашивал один из театралных деятелей в конце прошлого века. — Аркашка и Белугин, Хлестаков и Мелузов — кто он? Простак? Буфф? Рубашечный герой? Первый любовник? Разве не одинаково хорош он во всех этих ролях? И какую из них вы назовете коронной?»

А незабвенные «старухи» Ольги Осиповны, вызывавшие порой удивительно «нетеатральную» реакцию (в зале кричали: «Спасибо, родная!», кричали: «Бабушка, бабушка!»), ее простодушие, из-под которого проглядывало веселое лукавство! Воевала с режиссерами: «Это тебе, батюшка, не Художественный театр...», не жаловала знаменитые мхатовские паузы — и выпрашивала пьесу у Чехова...

Недаром Станиславский спорил с уверявшими, будто Садовским неведомы законы сцены: «Они все знали, но скрывали. Я учился у них...»

И как прекрасен и поныне злободневен пафос речи Вл. Немировича-Данченко на вечере памяти Садовской: «...люди могут стариться и умирать: а искусство не смеет. Нельзя прерывать внутренней глубочайшей связи с ушедшей, да и не прервешь, как бы ни стараться, слишком глубокие корни, слишком продолжительна давность связи, слишком живут образы тут во всех углах».

Он говорил это в зале самого Малого театра. Но ведь образы, созданные Садовскими, и образы их самих — по-прежнему «во внутренней, глубочайшей связи» с нами, и, как справедливо заключает Е. Полякова, без театра Островского — Садовских «немыслима культура России».

А. ТУРКОВ.